

Домна Ефимовна Сидорова (в девичестве Жунтова, по первому браку Черняева), с творчеством которой «Живая старина» уже знакомила читателей¹, родилась в 1893 г. в крестьянской семье в д. Ярошевичина Смоленской губернии. Грамоте обучилась в детстве в церковно-приходской школе. Впоследствии жила в Семиречье (область на юго-востоке современного Казахстана), в с. Тугулым Свердловской обл., в самом Свердловске. Вела крестьянское хозяйство, работала нянечкой и воспитателем в детском саду. Всю свою жизнь, начиная еще с детских лет, Домна Ефимовна считала своим призванием и обязанностью перед потомками литературное творчество. В ее наследии, помимо стихотворных произведений, — дневники и воспоминания², рассказы и сказки, а также авантюрный крестьянский роман «Барщина»³.

Публикуемая поэма «Рассказ Никитки» написана Д.Е. Сидоровой во время войны и может быть датирована приблизительно 1943—1944 гг. Позже, уже в 50-е годы, надеясь опубликовать поэму в одном из местных периодических изданий, Домна Ефимовна написала короткий мемуарный очерк об истории ее создания. Приводим его текст полностью; орфографическая и пунктуационная правка внесена родственниками при перепечатывании с рукописи.

Имеющийся в нашем распоряжении список «Рассказа Никитки» представляет собой машинописную копию, сделанную родственниками Д.Е. Сидоровой с ее рукописи. При перепечатке ими были выправлены орфографические ошибки, расставлены знаки препинания, каждый новый стих напечатан с заглавной буквы. Впоследствии копия была просмотрена автором, о чем свидетельствует внесенное в текст исправление (см. сноску 5). В публикации выдержан сохраненный в перепечатке шахматный принцип расположения строк, которому практически всегда следовала сама Д.Е. Сидорова при записи своих стихотворений.

Д.Е. СИДОРОВА

«РАССКАЗ НИКИТКИ»

1943 год. Свердловск. Госпиталь.
ул. Пушкинская № 10.

Я работала напротив этого госпиталя в детском саду Обкома партии. К нам пришел военный и обратился с просьбой помочь раненым. Людей не хватает, так чтоб мы нашли возможным хотя раза два в неделю поработать в госпитале. Раненые как дети капризные, нервные, их надо чем-то развлечь. Зав. детсадом А.М. Коновалов — человек большой души; он пообещал военному послать нас, сказал — есть в нашем коллективе няня-сказительница. Вот с этого началась наша тыловая атака, пошли выполнять боевое задание.

Нас встретила дежурная, указала 48-ю палату. Мы вошли — лежат тяжелораненые, все повернулись к нам. Мы их приветствовали: «Привет, ребята, советские орлята! Как прошла ночь и чем вам помочь?» А я добавила: — «Завтрак вам припасла, огурчиков принесла». Все зашумели: ура, ребята, оживила наша палата! Все шумели, все галдели, на нас ласково глядели. У всех было хорошее настроение, как в театре. Забыли свои раны. Я на них глядела, радости не было предела. Пришла сестра, подала градусник: «Что-то у нас шумно». Летчик ска-

зал: — Вы не слышите, как мы стонем, а тут услышали! У нас нет температуры, мы здоровы».

Ты, сестра, нас не лечи,
у нас главные врачи.
У них теплые сердца,
заменяют мать-отца.

Летчик подозвал меня: — «Мамаша, подойди ко мне». — Села рядом с ним. — «У меня к вам просьба, я надеюсь на вас. Расскажу вам про мальчика, сына партизана». — Летчик рассказал мне, как потерпел аварию в Брянских лесах, его подобрали партизаны к себе в лагерь. — «Когда я немного окреп, отец мальчика мне рассказал свою трагическую историю. Я не писатель, не знаю литературных правил, а прошу написать вас поэму для детей».

Я написала как умела, прочитала сначала врачу, потом летчику. Летчик слушал и был рад, слезы катились, как град. «Спасибо, мамаша, дай руку». Взял мою руку, к сердцу прижал и долго-долго держал. Боялся потерять как родную мать.

— Как тебя, сынок, звать?

— Вася, фамилия Сидорчук.

— Да мы совсем свои! Я — Сидорова, и сын у меня Вася, на Курской дуге. — Я не сказала, что его уже нет. Зачем

свое горе навязывать другим? Я одна боролась со своим горем.

Летчику стало немного лучше. Ему пришлось пережить тяжелую операцию в 1944 году в марте. Он умер, когда я была в командировке. Больше я его не видела. Меня мучает совесть: я не выполнила обещания [т.е. не опубликовала поэму]. Пишу обо всех этих событиях вкратце.

Дорогая редакция! Помогите мне выполнить боевое задание.

[1950-е годы]

РАССКАЗ НИКИТКИ

Часть I.

Над землей пушки грохочут,
В воздухе пули свистят.
Партизаны в засадах хлопочут,
За фашистами зорко следят.

По лесу бродил мальчуган,
Неизвестно откуда и чей,
А потом он стал партизан,
Нешадно громил палачей.

А теперь, друзья, расскажу,
Как в деревне я жил,
Почему я по лесу брожу, —
Потому, что фашиста убил.

Ободрал себе босые ноги,
Мне страшно хотелось спать.

Пташки поют и порхают.
Я присел под сосну.
Ветки меня укрывают,
Так и клонит ко сну.

Затрещало в лесу, зашумело,
Сон мигом исчез.
Я как белка умело,
На сосну полез.

Птицы крыльями машут,
Учат к полету птенца.
Гляжу, фрицы пленного ташут,
Поймали в разведке бойца.

Долго звери пытали,
Я с вершины глядел.
К березе его примотали,
Он сказать ничего не хотел.

«Партизан, песни пой,
Звери будут слушать.
Ты спокойно стой,
А звери тебя будут кушать!»

Эта страшная пытка,
На смерть оставили в лесу.
О, клянусь, не будь я Никитка,
Все равно от смерти спасу.

Месяц давно закатился,
Туча прошла полосой.
Я на землю спустился.
Травы покрылись росой.

Босые ноги щипала,
Я зашагал, как большой,
Дрожь по мне пробежала,
Пленный поник головой.

Проволокой грудь примотали,
Узла никак не найду.
Листья над нами шептали,
Пленный метался в бреду.

Распутал я вражью сетку,
Пленный вздохнул глубоко.
Разбудить постарался разведку,
Но от жизни он был далеко.

Эта последняя пытка,
Схоронили живого в лесу.
Проснись, родной, с тобой Никитка,
Все усилья приложу, спасу.

Ночь подвигалась к концу,
Я как солдат на часах.
Легче стало бойцу,
Пташки поют на кустах.

Лесной обитатель проснулся,
На болото кулик прилетел.
Наконец-то родимый очнулся,
Но верить себе не хотел.

Повел глазами кругом,
Слезам наполнились очи.
Вспоминал, как боролся с врагом,
А теперь подняться нет мочи.

Я не жалел своих сил,
Спасая старого бойца,
В шапке воды приносил,
Полюбил, как родного отца.

Молвил старик: «Я хочу знать,
Откуда ты явился?».
«Я, но как тебе сказать, —
С неба свалился».

«Ты герой, молодец», —
Молвил старик:
«Я счастливый боец,
Снимаю же скорее парик!»

Я снял волосатый чепец,
Держу, начал теряться:
Под ним скрывался отец,
Я не знал — плакать или
смеяться?

Птицы над лесом промчались,
Бор зашумел, зашептал.
Мы сквозь слезы смеялись,
Крепко я тятку обнял.

Я, как птеник, порхал,
Сердце билось в груди.
Отец глубоко вздыхал,
Много трудности нам впереди.

Недолго радости длились,
Слышится топот дорогой,
Военной тревогой сменились,
Сменились военной тревогой.

Мы в траву повалились,
Укрыла густая трава.
Не веря себе, удивились
Услышав родные слова.

Кругом розы душистые.
Пробираемся мы на опушку,

Глядим, вчерашние фашисты
Партизанам попали в ловушку.

Я первый поднялся,
На встречу гордо шагаю
Крикнул боец: «Стой, откуда
ты взялся?»
— «Я грибы в лесу собираю».

Рассказал я страшную картину:
Я слышал, с вершины глядел.
Били отца, как скотину,
От пытки родной поседел.

Я сказал: «Что вы, паны,
присмирели⁶,
Не слышать Ваших речей?
Вчера песенки Вы пели,
Вели расправу палачей.

А сегодня наше время
Гостей потчевать и тешить,
По заслугам вражье племя
На березу станем вешать».

Немцы потупили взоры.
Умирать в лесу не хотели,
Озирались кругом, точно воры,
Бормотали, тряслись и потели.

Приговор им прочитали:
«Готовьтесь на петлю, немчуги!»
Березы их кверху подняли.
«Получайте же все по заслугам!»

К заставе своей побрели.
Смерть пока миновала.
Кукушка где-то вдали,
Чуть слышно вдали куковала.

Шли незнакомой тропой,
Через кочки, курганы.
Нас встречали толпой
Родная семья — партизаны.

Балагурили мы до рассвета,
Фронтная, родная семья.
Как вернулся отец с того света,
Победителем был это я.

Потекли золотые денечки,
Я свободен и рад.
Не страшны мне темные ночки,
Я нашел партизанский отряд.

Зверям я ставил капканы
По секретной, указанной тропке.

